

"СВОИ МОЗГИ, КОТОРЫЕ НЕ ХОТЕЛИ ДУМАТЬ, Я СВОРОТИЛ НАБОК"

Наталья ХОМЕНКО "Сегодня"

Часто говорят: приближаясь к "звездам", разочаровываешься -- вблизи они совсем не так блестящи и оригинальны, как кажется издали... Нет, ребята. Вблизи действительно легче отличить подлинник от фальшивки, но мне, видимо, везет на настоящих... Обожаю этот момент, когда с человека слетает привычная маска. Маску нельзя любить. А человека, со всем его вагоном недостатков и несчастий, -- легко... С крепко нетрезвого Петра **Мамонова** в Киеве слетели сразу две маски: и сценический образ сумасшедшего клоуна, и приклеенный, казалось, намертво за последние годы лик полусвятого старца, засевшего в деревне, как в скиту...

Спектакль "Шоколадный Пушкин" -- сочинение Петра Николаевича **Мамонова**. Он то с гитарой, то без. Пушкин тут ни при чем, просто **Мамонову** нравится, как чернокожие музыканты говорят: "I am chocolate Elvis" -- я, мол, Элвис, но "шоколадный". **Мамонов** повествует о самом себе. Это он -- шоколадный Пушкин. "Меня обычно спрашивают: у вас же есть друзья? Ну, я не знаю... Кто не бросил пить -- все померли..." Круглые очки без дужек, на резинке, обхватывающей плешивую голову, серая толстовка, странные тексты и мычание... "Свои мозги, которые не хотели думать, я своротил набок..." Такой сумасшедший интеллеktуал. Типа граф Толстой, который в Ясной Поляне парадно выходил косить к проходящему поезду. И степень "правды жизни" примерно та же.

Как ни трубили СМИ о многолетней героической трезвости рок-легенды, в Киеве **Мамонов** показал себя с точностью до наоборот... Мы сидели небольшой журналистской компанией в гостиничном номере Петра Николаевича, язык его заплетался, зато он был очень добр и счастлив, что к нему пришли.

-- Летел в самолете. Сдуру взял пол-литра, -- начал он, не дожидаясь вопросов. -- "Блэк лейбл" я люблю... И выпил сразу. Немножко стало хорошо сразу, проблемы жизненные как-то решились... Эйфория немножко. Минут двадцать. Потом кончилось. Потом -- облака из иллюминатора, потом -- сон. И вот он я, весь перед вами, какой есть. Приехал в Киев, потому что нас здесь всегда любят, мы здесь кричали всю эту нашу гадость... Тут как-то денег не было, и предложили продать видео. "Чё у вас есть на видео?" -- говорят. Я посмотрел: а ничё у нас нет. Только крик, эпатаж, весь этот цирк и ужас...

-- Это вы так о своей музыке?

-- Ну-у... Если это музыка -- то, что я сочинил. То, в общем, жизнь -- зря. Так-то. Я тут два дня назад выбирал, что мне очень нравится, по-

настоящему, из всего? Две песни только и выбрал.

-- Это ваше обычное состояние -- такого самоедства?

-- Не-ет, никакого здесь нет самоедства. Вот сейчас вышел последний альбом наш, "Мыши" -- акустические песни, которые я люблю. Каждую песню люблю очень сильно. А то, что было, -- не люблю. Не люблю себя старого... До сих пор во мне это есть -- просто ужасно!

"НАГРАЖДАЮТ ДОЩЕЧКОЙ. НЕТ, ЧТОБ ДЕНЬГАМИ ДАТЬ!"

-- Как вы себя сегодня ощущаете по отношению к московской художественной среде?

-- Да я никак особо-то... Меня зовут куда-то, хотят вручать какую-то премию -- на дощечке что-то написали... Нет, чтоб деньгами дать! (Горестно.) Нет, ну правда! Мне надо котов кормить, за мамой больной ухаживать, жена гриппом болеет... Я не живу сейчас ни в деревне, нигде. Дома нет нигде. Я -- в центре, на Каретном, там мама болеет, потом я еду в деревню кормить котов, потом -- к жене в Чертаново... Чепуха какая-то. Ну, значит, так надо. А они мне дощечку какую-то... Давай, приезжай в 12 ночи, получай...

-- Вы же когда-то говорили, что "деньги -- это гадость"?

-- Деньги -- гадость, если ты только из-за них работешь. Нет, деньги -- это адекватная плата за труд. Но я что, из-за денег буду петь: "О, как бы я хотел, чтобы ты вмонтировал в меня маленькую видеокамеру, чтобы понаблюдал за моей внутренней жизнью!.." Может, я и мог бы из-за денег это петь, но у меня просто не получается. Пою о том, как я живу сейчас. Много очень проблем, которые ник-как не решить. Вроде договорился сам с собой, лег спать, а утром встаешь -- и опять. Я хочу об этом спеть. Это -- важно.

-- Какое у вас сейчас отношение к рок-н-роллу?

-- Я вам переведу: "рок-н-ролл" -- значит "крути-верти". А теперь спроси еще раз: какое у вас отношение к "крути-верти"? Такое же, как и было. А то начинается: "русский рок"! Не знаю, я не слежу...

"ПИШУ ПОЛИАРТРИТНО"

-- А спектакли ваши?

-- Когда я на сцене -- это счастье. Это то, ради чего я живу. Потому что это объединение на добром... смею думать... А потом наступает обычная жизнь, и ни дети, ни жена, ни мать -- никто не поможет. Так вот. Ну, потихоньку

налаживается. (Вдруг.) Да, вот в кино снялся сейчас. Альтернативное кино, "Пыль" называется. Он такой толстый, неуклюжий, а ему засунули в тело атлета. Один раз. И он все туда хочет. А я -- врач, отталкиваю, а потом говорю: "Ну ладно, иди". И потом он взрывается...

-- Вы не пробовали играть спектакли у себя в деревне?

-- А что, мы играли там спектакль "Есть ли жизнь на Марсе?" -- в сельской школе. Потому что я считаю, что обязан. И не деньги должен давать, а делать то, что умею... Привезли свет-звук, все как следует. Пришли десять бабок с внучатами. Говорю: "Ну как?" Они: "Н-ну, ничё. Токо чё кричишь так громко?"

-- Как вы пишете тексты для спектаклей?..

-- Как пишу? Беру ручку и... (Смеется)... Атмосферу так, чтобы никто не мешал... И -- пошел, пошел, пошел!.. Потом смотрю -- ничё не понимаю! Нет, трудно пишу. Не пишет рука уже. Пара... как же это называется? Полиартрит. Ручку схватил -- и пишу полиартритно. Потом ничё не понимаю.

-- Петр Николаевич, а почему у вас в доме именно кошки?

-- С кошками вышло так. Вообще, сказано: мир -- это продолжение нас. И любить его надо как свою руку. Березу, собаку, куст... И у меня это, к счастью, есть. Многого у меня нет, а вот это -- есть. Я очень люблю продолжение нас. Я взял первого кота -- Карлушу, Карла... А потом взял Ньюшеньку. Думал, что тоже кот. А посмотрел -- кошля. И они начали... Как обычно, да? Мне очень долго трудно было топить. А потом стал топить. Когда 14 развелось. У бабушки спросил: "Бабушка, не грех топить?" Он говорит: "Нет, мы должны регулировать..." Все, у меня нет вопросов. Если чё, у меня есть вопросы -- иду к бабушке!

-- И что, во всем абсолютно ему доверяете?

-- А как же? Это же церковь, на нем дух святой... Вы что, если не доверять -- так не надо ни исповедоваться ходить, ни причащаться... Как он сказал -- так я стараюсь и делать. Не всегда получается -- это другое дело. Трудно бороться с собой. Вообще, все эти так называемые мои "образы" -- это никакие не образы, это я сам! Я так живу, так существую. Мне очень трудно жить! Трудно постоянно быть с самим собой -- если не договариваться, а по-честному. Никак не получается. А когда получается вдруг -- три, четыре дня, неделя, прямо свет в душе!

"ВСЕ СКУКОЖИЛОСЬ"

-- Мерседес у меня 80-го года. Я его купил за \$5 тысяч. Подъезжает современная консервная банка -- и я подъезжаю. У меня все чугунное, железное, а у него -- пластмасса. Даже смотреть не хочу. Автомобиль кончился в 80-м году...

-- Что еще, по-вашему, кончилось за эти годы?

-- (Азартно.) Ой, много! Транзисторы япошки придумали -- и кончилась лампа! Советские магнитофоны -- вы помните? -- были ламповые. Какой там был саунд! Даже не скажешь "звук".

-- А в искусстве, в поэзии, музыке тоже что-то кончилось? В людях?

-- Конечно. Все скукожилось. Транзисторы, понимаете? Это удобней: давай, переключай. И так -- всё.

-- Есть у вас мечта?

-- Душевный мир. Которого я никак не могу достичь. Ох, тяжело, ребята...